

Двойной пост.

Не прошло и семи лет...

Из цикла «Прошедшее-настоящее».

... как в Израиле снова почти полномасштабная война.

Невольно вспоминаю о тех знакомых, кто уехал в Израиль на ПМЖ. Я ни с кем не нахожусь в контакте, но почему-то вспомнила тетю Надю, которая часто звонила моей маме (мамы не стало в 2003-и году).

Это мистика какая-то ...

Вчера получила письмо от незнакомца, который разыскал меня «в интересах», как он пишет, некоего Аркадия из Израиля. Вспомнила (и даже нашла фото), что в соседнем доме в Сталинабаде (Душанбе) действительно жил маленький мальчик Аркадий со своей мамой – тетей Лизой, которая дружила с моей мамой. Мы все почему-то называли его таджикским словом «маймун» - обезьянка. Это не было обидным. С ними жил брат тети Лизы (если я не путаю) дядя Гаврик с женой тетей Надей.

Воспоминания – такая не остановимая штука, и загнать их в какое-то русло не получается.

Вся семья тети Лизы (часа тетя Лиза уже умерла) уехала в Израиль во время войны в Таджикистане в начале 90-х. Они были евреи, только бухарские. Внешне от таджиков ничем не отличались. Помню тетю Лизу с покрашенными усьмой бровями. Усьма – это такая трава, которую таджички размельчают, заливают водой и наносят на брови, чтобы они лучше росли, причем, соединяют их на переносице - это считалось очень красивым. И почти у всех таджичек были такие сросшиеся, благодаря усьме, брови. Мне и себе мама тоже так красила. А на ногти себе и дочкам она накладывала кашицу из хны аж на целую ночь. И мы ходили с красно-рыжими ногтями, пока они совсем не вырастут и мама снова нам их красила.

Считалось, что хна укрепляет ногти. У таджиков принято украшать и наряжать девочек. Я училась в пятом классе, когда мне прокололи уши. И прежде чем вставить золотые сережки, в дырочки вставили чайники. Так вылечивались и не зарастали дырочки для сережек. Когда я капельку подросла, мне тетя подарила сурьму («подведу глаза сурьмой»), которую она привезла из Афганистана. Тетя Ашура была танцовщицей, дважды лауреатом Сталинской премии и объездила весь мир. Сурьма использовалась не только для красоты, но и защищала глаза от пыли – пылевые бури «афганец» были не редкостью в нашей долине. Ну и, конечно, мама заплетала мне 25 косичек. Папа, столбовой и служилый дворянин по происхождению, ни капельки не возражал. Он задолго до знакомства с мамой увлекся Востоком, и поэтому всем троим детям дал восточные имена.

Наш дом в Сталинабаде назывался «Домом киностудии», в нем жили, в основном, эвакуированные из Москвы и Ленинграда работники киноиндустрии – режиссеры, операторы, сценаристы... Всем им нашлась работа в Таджикфильме. Рядом был дом, который все называли «домом специалистов». Но там жили артисты нашего Театра оперы и балета. Большинство из них были бухарскими евреями. Внешне они были похожи на таджиков, а артистичны были как цыгане. Но, видимо, что-то сдерживало их ассимиляцию, они предпочитали междусобойные браки, отчего часто дети рождались с физическими недостатками. Так тогда у нас говорили. В общем, они оставались евреями, и как только представилась возможность, массово стали уезжать в Израиль. За хорошей жизнью. Никакой дискриминации в их отношении я не помню. У всех, даже жителей многоподъездных двух-трех этажных домов, туалет был во дворе, водопроводный кран (летом радостно визжа под ним брызгались) тоже во дворе, а на пяточке между трех домов году так в пятидесятом был построен общественный душ с мужским и женским отделениями.

Мы жили на втором этаже, лестницы были деревянными, мы прыгали по ним как мячики, съезжали по деревянным перилам и абсолютно не чувствовали отсутствие комфорта. Я

осознала это (отсутствие), только очутившись в 1957 году в четырехкомнатной квартире одного из первых писательских кооперативных домов в Москве, И только тогда поняла, что наша кладовка в Сталинабаде располагалась в предназначенном для туалета помещении, кухня была там, где должна была быть ванная, а детская – в кухне по проекту. В детской была кирпичная печка, а в БОЛЬШОЙ комнате грелись керосинкой. И была у нас одна соседка. Почему-то мне снится до сих пор, как она заперла входную дверь, а у меня нет с собой ключей.

Что за сито у памяти, почему что-то не значимое остается, а что-то важное уходит глубоко-глубоко...

Я отправила для передачи Аркадию все свои координаты, и теперь мы с ним иногда болтаем по Скайпу или Телкграму.

Всякий, я думаю, кто приезжает в Израиль, обращает внимание на то, что ВСЕ окна зарешечены. Что в Иерусалиме в арабских кварталах небезопасно. Что в арабских ресторанчиках вкусно и приветливо. Что в кибуцах потрясающе – неужели в колхозах так может быть? К счастью, я не была свидетелем обстрелов, хотя их следы, особенно в Иерусалиме, видела. .

Кому в изоляции жить хорошо...

Из цикла «Прошедшее-настоящее».

...даже во время войны.

Возможно, я не права, возможно, по чьему-то промыслу или замыслу такое не могло не произойти, и война и ковид тут не причем, возможно, когда-нибудь я поумнею (никогда не поздно) и осмыслю это совсем по-другому, но вот факты.

Несколько дней назад я получила письмо от некоего Б., который разыскал меня в интересах некоего А. из Израила. Я предположила, что этот А. был моим соседом в детстве, и отправила свои координаты, не надеясь на скорый контакт, потому что в Израиле небо уже расчерчивали палестинские ракеты и гудели сирены. А весь мир с тревогой за этим наблюдал... В то же время в интернете и даже на сайте «Эха Москвы» появились публикации на тему «Как израильтяне шутят во время войны».

В общем, у меня «зазвонил» скайп.

На экране моего компа появился пожилой симпатичный человек с бородкой. Никого не прошу удивляться, но я его не узнала, так как со времени нашей последней встречи прошло 64 (шестьдесят четыре) года.

На мой первый (двойной) вопрос: «Где ты живешь, там летают ракеты?», Аркадий ответил: «Я живу рядом с атомной станцией, сегодня гудела сирена, и я спрятался в туалете». «Разве у вас нет бомбоубежища?» - «Есть, но мне было лень одеваться».

Интересно, с чего бы мог начаться наш разговор, если бы Хамас не напал на Израиль. И с чего бы продолжился, если бы не ковид... Аркадий сказал мне, что уже привился, и мы перешли к воспоминаниям. Выяснилось, что Аркадий младше меня на 2 года, а мне казалось, что на 5-6. Но это меня не удивило – в разном возрасте годы имеют разную протяженность. А вот что меня удивило, так это то, что Аркадий знал почти все обо мне, моих родителей, о сестре и брате, и задавал только уточняющие вопросы. Например, почему сестра живет по маминому адресу (называет адрес), а прописана по другому (называет адрес). Или поинтересовался, не названа ли партия «Яблоко» в честь Яблокова Алексея Владимировича. Поскольку Аркадий объявился только сейчас, я подумала: «Это ковид, самоизоляция, кучу времени проводим у компьютера, гуляем по просторам интернета, скорее всего, наша «встреча» после многолетней разлуки – рядовой ковидно-зависимый случай». В общем, нет худа без добра.

Но я о нем и его родственниках не знала ничего. А было интересно всё. Нет, он не работает на Моссад, а всю свою израильскую жизнь проработал на химическом заводе. Уехали они из Душанбе в Израиль в 1993 году. Тогда в Таджикистане разразилась межклановая война. Резали не только русских и евреев, но и таджиков. Говорили, что в арыках (канавы вдоль дорог) текла кровь. На фоне борьбы за власть оживились бандиты. Резня была страшная – гибли дети, беременные женщины. Сначала у них отняли машину, потом дачу, потом стали торопить выехать из квартиры. Тогда много русских покинуло страну, Израиль в ускоренном порядке стал принимать евреев, в том числе бухарских. Для Аркадия и его семьи это была единственная возможность остаться живыми. В 2013 году он овдовел, есть дети. Нет, он пока не собирается ни в Душанбе, ни в Москву. Не из-за денег, пенсии на это хватило бы. За спиной Аркадия я увидела ковер, он подтвердил, что привез его с собой из Душанбе. В Иерусалиме он побывал всего несколько раз. Акцент не появился, потому что разговаривает, в основном, по-русски.

Прежде чем отправить этот текст в фейсбук, я вышла на балкон – весна в полном разгаре, зеленые ветви – рукой подать. Я вдруг обнаружила себя, грызущей семечки и сплевывающей шелуху на землю. Вообще-то семечки у меня всегда стоят рядом с монитором исключительно для сериалов. Когда-то в Душанбе я любила делать это именно на балконе. Последний раз я это делала 64 года назад.

На снимках:

Аркадий первый справа, в первом ряду первая справа Фатима, затем Нори (моя тетя). Я – вторая слева, за мной лицо Тимура. .

На свадьбе Тимура и Тани.

